

Шиловский М. В.**Социально-политические процессы в сибирском городе во время Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.).**

Города являлись основными очагами промышленного и культурного развития Сибири, центрами ее общественно-политической жизни. После сооружения Транссиба происходит бурный рост их численности (в 3 раза с 1897 по 1916 гг.), изменялись и усложнялись их функции, а также социальная структура. Первая мировая война существенно повлияла на эти процессы. В 1914-1916 гг. только Камень-на-Оби приобрел статус безездного города Томской губернии. В рамках реализации крупномасштабного проекта Копикуза возникло ряд крупных поселений – Юрга, Топки, Щегловск (Кемерово), Кольчугино (Ленинск-Кузнецкий), получивших городской статус за временными рамками изучаемого периода.

Численность городского населения Сибири в 1916 г. составила, по данным В. И. Пронина, 1086,6 тыс. чел, или 7,14 %. С 1914 г. оно сократилось на 38,1 тыс. чел. (1). На самом деле колебания численности в пределах исследуемой совокупности были гораздо выше в связи с массовым призывом в армию и резким ростом численности местных гарнизонов, располагавшихся в основном в городах и на крупных железнодорожных станциях. Так, по данным того же В. И. Пронина, численность жителей Новониколаевска на лето 1917 г. городской управой определялось в 107129 чел., а по сведениям Сибстатуправления - в 69828 чел.(2). Разницу в 37,3 тыс. составили военнотружущие местного гарнизона, беженцы и временно проживающие. Всего же на март 1917 г. в 20 пехотных запасных полках, 14 дружинах государственного ополчения, различных военных учреждениях и заведениях Омского военного округа насчитывалось 191245 чел.; 11 пехотных запасных полках, 11 дружинах государственного ополчения, военных учреждениях и заведениях Иркутского военного округа - 78736 чел.(3). Следовательно, в начале 1917 г. в городах региона размещалось приблизительно 270 тыс. военнотружущих, сыгравших важную роль в социальном катаклизме 1917 г.

В целом же, численность населения сибирских городов в рассматриваемое время несколько уменьшилась. Так, в Иркутске она сократилась с 131920 в 1912 г. до 106346 человек в 1916-м, Новониколаевске с 86419 в конце 1914-го до 69828 летом 1917-го, в Барнауле с 61,3 тыс. человек в 1912 г. до 56,2 тыс. в 1917-м (в 1916 г. – 71,2 тыс. человек), в Камне-на-Оби с 21 тыс. в 1916 до 14,4 тыс. в 1917 г. (4). Поэтому доля горожан в общей численности населения региона уменьшилась с 10,4 % в 1914 г. до 7,14 % в 1916 г.

По-прежнему значительную часть городского социума составляли выходцы из деревни, они преобладали среди призванных в армию. По образному выражению Б. Н. Миронова в рассматриваемое время происходило окрестьянивание городского населения («город разбух от деревни») (5).

Окрестьянивание шло не только по линии интенсивного притока селян в город, но и за счет увеличения представительства данной социальной группы среди различных категорий горожан (военные, предприниматели, служащие, рабочие и т.д.). Так, по данным О. В. Чудакова, среди гласных городских дум ряда крупных городов Западной Сибири, избранных на четырехлетие 1914-1918 гг. доля крестьян и мещан составила в Новониколаевске 62,5 %, в Тобольске – 37,1 %, в Кургане – 22,5 %, в Омске 30 %, в Барнауле – 37,5 %. Причем, в Новониколаевске, Тобольске, Барнауле они доминировали, а в Кургане и Омске уступали купцам и чиновникам (6).

Но наиболее ярко отмеченная тенденция проявилась в офицерской среде. Следствием войны становится формирование большой группы офицеров, как кадровых, так и военного времени, из числа местных уроженцев. Например, среди видных военных деятелей (генералов) «белого» движения можно назвать Е. И. Достовалова, Л. Г. Корнилова, П. П. Иванова-Ринова, А. Н. Пепеляева, Г. М. Семенова и др. Большую часть офицерского корпуса к 1917 г. составляли офицеры военного времени, 80 % из которых являлись выходцами из крестьян (7). Всего же к 1917 г. офицерские погоны получили 220 тыс. чел., и, как верно подметил С. В. Волков, ко времени Февральской революции офицерский корпус «практически соответствовал числу лиц, имевших какое-либо образование: все такие лица призывного возраста, годные по состоянию здоровья к военной службе, становились офицерами» (8). Недаром в процессе демобилизации в начале 1918 г. сибирские газеты наводнили объявления о поиске работы бывшими офицерами по всей номенклатуре специальностей вузов и средних специальных учебных заведений России.

В Сибири, по данным того же С. В. Волкова, среди юнкеров Иркутского военного училища доля дворян сократилась с 31 в январе 1915 г. до 17 в январе 1916 г., а крестьян в то же время возросла с 84 (22,3 %) до 112 (40,1 %). Из окончивших 17 января 1917 г. 1-ю Омскую школу прапорщиков из дворян происходило 9 чел., чиновников и офицеров – 8, почетных граждан – 5, духовенства – 4, купцов – 3, казаков – 10, крестьян – 94, мещан – 68 (9). Наглядно ситуацию с офицерами военного времени на сибирском материале можно проиллюстрировать на примере П. Е. Щетинкина и Р. П. Эйдемана. Первый, выходец из крестьян, плотник, едва умевший читать и писать, отслуживший срочную службу и уволенный в запас в 1909 г. старшим унтер-офицером, в 1912 г. становится

сверхсрочником, заканчивает школу прапорщиков и во время войны продвигается до командира роты и штабс-капитана. Второй, сын учителя из Латвии, будучи студентом, в апреле 1916 г. был мобилизован и после окончания ускоренного курса пехотного училища, выпущен прапорщиком с направлением в г. Канск, где в 16-м Сибирском запасном полку встретил 1917 год в должности командира батальона. Не случайно военный журналист Вс. Н. Иванов заметил: «А между тем уже и царская армия последнего периода была армией прапорщиков» (10). Отчетливо данное обстоятельство проявилось и в гарнизонах сибирских городов.

Позиция офицеров военного времени определялась целым рядом факторов. Если квалифицированные специалисты (инженеры, учителя, техники и т.д.) и студенты призыв в армию и офицерские погоны воспринимали как временное явление с последующим возвращением к мирной деятельности после демобилизации, то для офицеров из крестьян армия «представляла наилучшие возможности социальной мобильности» (11), продвижения по социальной лестнице. Тем не менее, их карьера в вооруженных силах после войны стояла под вопросом. Дело в том, что офицеры военного времени не обладали в полной мере правами и льготами кадровых военных. Их запрещалось производить в штаб-офицерские чины, в сословном отношении они становились не личными дворянами, а почетными гражданами, а самое главное, подлежали увольнению в запас по окончанию боевых действий. Данное обстоятельство предопределило высокую политическую активность именно этой категории членов офицерского корпуса, их активное участие в событиях 1917 г., имевшее целью продолжить служебную карьеру.

Наличие же многотысячных гарнизонов (в Томске его численность в декабре 1916 г. составила 50 тыс. чел. (12), хотя и создавал для городов региона многочисленные проблемы, до конца 1916 г. не играло существенного воздействия на внутреннюю общественно-политическую жизнь. Дело в том, что в них готовили личный состав для пополнения действующей армии и, поэтому, быстро осуществлялась ротация военнослужащих. Так, только из запасных полков Новониколаевска в 1914-1915 гг. на фронт отправлялось ежемесячно по 25 тыс., а в 1916 г. – по 15 тыс. чел.(13).

Следствием окрестьянивания городов становится реанимация образцов крестьянского поведения в экстремальных ситуациях. Прежде всего это проявилось в поступках жен призванных (солдаток). Уже 16 августа 1914 г., по свидетельству секретаря Иркутской городской управы И. И. Серебренникова, туда «явилось более двухсот солдаток за пособием: подняли отчаянный шум, почти бунт, осадили кабинет городского головы, требуя немедленной выдачи пособий» (14). В феврале 1916 г. произошел первый «сахарный бунт» в Томске, а в марте солдатки опять угрожали громить лавки. 20 мая в

Бийске они же, вместе с призывниками, «насилованным путем» забирали товары. Во время массовых беспорядков в Новониколаевске 9 ноября 1916 г. громадная толпа, смяв заслон полицейских и военнослужащих, стала расхищать товары и грабить магазины. В ходе бунта растащили до 400 пудов сахара и товаров на 10 тыс. рублей. Задержали 74 участника беспорядков, их них 54 женщины (15). Оценивая ситуацию, городской голова Красноярска С. И. Потылицин в июне 1915 г. отмечал «развращающее влияние благотворительной денежной помощи, отучающей от работы. Солдатки предпочитают бездельничать и получать небольшую помощь, нежели работать» (16).

Следствием войны, отразившим на социальной структуре городов, стало появление в них беженцев, выселенцев, интернированных и военнопленных. Последние стали пребывать в регион с начала сентября 1914 г. К январю 1915 г. их здесь насчитывалось порядка 186 тыс. чел., а к лету того же года достигло пика в 352 тыс. На январь 1917 г. в пределах Омского военного округа находилось 199077 военнопленных, а на территории Иркутского – 135594, размещенных соответственно в 28 и 30 концентрационных лагерях (17). В зиму 1915-1916 гг. они распределялись по городам региона следующим образом: в Тобольске, Тюмени, Кургане по 5 тыс., Новониколаевске – 12 тыс., Омске – 14 тыс., Барнауле – 2,5 тыс., Томске – 5,2 тыс., Красноярске – 13 тыс., Верхнеудинске и Иркутске – по 8 тыс., Троицкосавске - 6,7 тыс., Чите – 32,5 тыс., Сретенске – 11 тыс. чел.(18). Еще раньше военнопленных в Сибири появились депортированные подданные Германии и Австро-Венгрии (немцы, евреи, поляки, литовцы, чехи, румыны, болгары, греки и т.д.). В феврале 1915 г. их в Тобольске находилось 720 чел., а в Тюмени 154 чел., не считая членов семей (19).

Бытовые условия в лагерях примерно соответствовали порядкам в гарнизонах городов. Острая нехватка рабочих рук позволяла пленным использовать свои профессиональные знания и иногда даже выбирать место работы. До 1200 пленных мадьяр (венгров) к началу 1917 г. трудилась на Кольчугинских коях (20). Офицеры имели возможность подыскивать в городах хорошо оплачиваемую работу (учителя, инженеры, бухгалтера и т.д.). Как отмечает Н. И. Загороднюк на примере Тобольска: «Прибытие военнопленных оживило культурную жизнь города. Ссылные давали частные уроки музыки, среди них выделялся своими профессиональными качествами Алоиз Гро. Австрийским подданным Г. Лукиничем был организован симфонический оркестр, получивший право разъезжать с гастрольями по России. В залах городского театра и Общественного собрания устраивались чудесные концерты с участием пианиста-виртуоза Тадеуша и других артистов» (21).

Доброжелательным было отношение к военнопленным славянам, более сдержанное и даже агрессивное к немцам и, отчасти, к евреям.

Большое значение во время войны имели слухи, в том числе намеренно распространяемые властями. В плане борьбы с «немецким засильем» образцом чисто народного творчества стало обошедшее всю Сибирь известие, «что скрылся командующий войсками Степного военного округа генерал Шмидт» [Степной генерал-губернатор и командующий войсками Омского военного округа в 1908-1915 гг., генерал от кавалерии Е. О. Шмит – М.Ш.] (22). Образчиком второго рода слухов стало заявление министра внутренних дел А. Н. Хвостова (октябрь 1915 г.) «о появлении в Степном крае за последнее время таинственных аэропланов, которые скрываются в немецких колониях, где получают бензин». «История с аэропланами» попала в прессу и 3 февраля 1916 г. барнаульский уездный исправник доносил губернатору о «случаях появления аэроплана» в Троицкой волости, «причем аэроплан этот местом своих остановок имел мельницу колониста из немцев Франца Петрова Вибе» (23).

В 1917 г. военнопленные приняли активное участие в социальном катаклизме. Только в Томске из пленных венгров формируется два батальона «интернационалистов» по 250 человек в каждом (24). 28 марта 1918 г. Центросибирь приняла «в число граждан Сибирской Советской Республики, согласно выраженного ими желания» 909 иностранцев «из числа бывших военнопленных, входящих в состав 1-го Омского международного отряда» (25).

Существенную группу невольных обитателей сибирских городов в рассматриваемое время составили беженцы. Всего к февралю 1917 г. их общая численность достигла 86664 человек (26). При абсолютном преобладании русских, среди них имелись поляки, латыши, немцы, евреи, литовцы, эстонцы и т.д. Так, в Иркутске на 1 июня 1916 г. их насчитывалось 3793 чел., в том числе 3569 русских, 80 поляков, 27 латышей, 47 представителей других национальностей (27). Беженцы дали мощный импульс к созданию национально-благотворительных и культурно-просветительных организаций (еврейских, польских, латышских, эстонских и т.д.) во всех крупных городах региона (28). Причем местные национальные общины экстерриториальных этносов, дисперсно рассеянных в иноязычной среде (евреи, поляки, латыши и т.д.), в основном поддержали правительство в начавшейся войне. Например, в Иркутске 6 августа 1914 г. по инициативе польско-литовского общества «Огниво» в переполненном костеле состоялось богослужение «о ниспослании победы оружию народов России и всего славянства..., и о возрождении единой неделимой Польши» (29).

И еще на одну немногочисленную группу горожан региона изучаемого периода хотелось бы обратить внимание. Речь идет о политических ссыльных. По разным подсчетам, здесь ко времени Февральской революции их находилось от 6,4 до 8,4 тыс. человек (30). Большая их часть размещалась в Восточной Сибири, в районах, удаленных от железной дороги, административных и промышленных центров. Но массовый «наплыв» репрессированных заставил власти сосланных ранее (1906-1910 гг.) переводить южнее, поэтому примерно около 2 тыс. человек оказались расселенными почти по всем сибирским городам. Наиболее крупные колонии политссыльных имелись: в Ачинске (31 чел.), Верхнеудинске (39), Иркутске (562), Канске (62), Красноярске (196), Минусинске (68), Новониколаевске (78), Омске (34), Томске (136), Черемхово (114), Чите (108), Якутске (117) (31).

Кроме ссыльных в городах региона в рассматриваемое время осело значительное количество нелегалов, эсеров и социал-демократов, бежавших с каторги и из ссылки. Определить их численность даже приблизительно не представляется возможным, хотя А. А. Штырбул считает, что, например, количество активных эсеров-подпольщиков в 1914 – феврале 1917 гг. в регионе составляло от 100 до 150 человек (32).

Типична в этом отношении биография уроженца селения Салаирского Кузнецкого уезда Томской губернии Б. Д. Маркова (1884-1920), члена эсеровской партии с 1904 года. После каторги его отправляют на поселение в Киренский уезд Иркутской губернии, откуда он бежит, но был пойман и подвергнут тюремному заключению с последующим водворением на место ссылки. В 1911 г. снова бежит и в г. Новониколаевске по документам Е. В. Добролюбова занимается пропагандистской работой. В декабре снова был арестован и выслан в Забайкальскую область, откуда опять бежал. В декабре 1913 г. Марков по документам Ф. А. Дронина объявился в Томске. «Работа плохо клеилась, - вспоминал он. – Кошмар реакции, отравивший душу, еще не был изжит, а проживать в сибирских городах было год от года труднее... Учащаяся молодежь погрузилась по уши в науку, народ спал по-прежнему..., старые товарищи или погибли в тюрьмах или оказались изломанными жизнью» (33).

В первой половине 1914 г. Б. Д. Марков участвовал в организации «Западно-Сибирской группы социалистов-революционеров» в Новониколаевске, заявившей о себе 1 мая выпуском листовки «К трудящимся!». Но развернуть деятельность нелегальное объединение не смогло и очень скоро Борис Дмитриевич вынужден был покинуть город и скрыться на Алтае.

С началом Первой мировой войны Марков, подобно многим своим товарищам по партии, легализовался в кооперации. Группа видных региональных эсеровских лидеров

осела в г. Мариинске Томской губернии, где Н. Т. Изюмченко создал Мариинское торгово-промышленное товарищество кооперативов, объединившее первоначально 35, а в 1916 г. 96 сельских потребительских обществ (34). На руководящих постах (бухгалтеры, члены правления, инструкторы) оказались Ф. С. Семенов (А. П. Лисиенко), М. Я. Линдберг, В. Н. Махов, М. Ф. Омельков, П. Я. Михайлов и Б. Д. Марков (Ф. А. Доронин), работавший в должности разъездного инструктора с окладом в 1200 руб. в год.

В декабре 1915 г. они проводят в городе нелегальную конференцию, объявившую о создании «Сибирской группы социалистов-революционеров». На второй конференции (март 1916 г.) там же принимается решение об образовании «Сибирского союза социалистов-революционеров» (35). Не случайно мариинский уездный исправник в декабре 1916 г. в донесении констатировал: «Очагом противоправительственных идей является Мариинский Союз кредитных товариществ, во главе которого стоят люди с большим политическим прошлым» (36). Эсеровское влияние на местных крестьян сохранилось и даже усилилось в 1917 г. Осенью этого года в Мариинском уезде насчитывалось 119 сельских организаций ПСР, в которые записалось 6014 крестьян (37).

Несмотря на свою относительную немногочисленность (38), политические ссыльные в 1914-1916 гг. оказывали все возрастающее воздействие на общественно-политическую жизнь сибирского города. Прежде всего, они, как отмечалось выше, начали активно внедряться в кооперативные организации. Как отмечал В. Г. Архангельский: «В течение 1915 и 1916 г. ссыльные Иркутска вели широкую кампанию по организации и объединению кооперативных обществ. Были организованы крупнейшие для Сибири потребительские общества: «Кооператор» и «Труженик». Главную роль в кооперативном движении играли социалисты-революционеры, но в «Обществе потребителей Забайкальской жел. дороги» и в ряде потребительских обществ довольно прочно засели социал-демократы меньшевики» (39). Примерно такую же картину по Красноярску рисует в своих мемуарах В. Я. Гуревич. Здесь в кооперативных объединениях и, прежде всего в их руководящих структурах, активно работали ссыльные большевики А. Г. Шлихтер, Н. Л. Мещеряков, М. А. Фрумкин; меньшевики А. В. Байкалов, П. И. Швейцер, В. В. Руднев; эсеры И. А. Ловцов, А. В. Пригарин, Н. В. Фомин, В. М. Коногов, В. Я. Гуревич (40). Очень сильными были позиции ссыльных социал-демократов и эсеров в кооперативных формированиях Забайкальской области. Всего же, по подсчетам С. В. Макаруча к 1917 г. они контролировали деятельность 56 их объединений в регионе (41).

Политические ссыльные, прежде всего эсеры, рассматривали кооперацию не просто как «крышу» и канал воздействия на городское и сельское население региона. Им импонировала точка зрения ссыльного публициста Д. И. Голенищева-Кутузова

(Илимского), квалифицировавшего в 1915 г. Сибирский союз маслодельных артелей как пример, который «должен лечь в основу нашей будущей политики в Сибири» (42). В кооперацию старались привлечь как можно больше крестьян, использовать ее как средство предотвращения их расслоения и пропаганды идей земского самоуправления. «В силу необходимости сибирским кооперативам приходится выполнять целый ряд задач и не чисто кооперативного характера,- констатировал тот же автор,- но, может быть, это именно обстоятельство и сыграет свою крупную роль в привитии сиб. кооперации духа общности, без которого кооперация вырождается в копеечное дело» (43).

Интенсивное проникновение политических ссыльных в кооперацию с тревогой отмечали местные жандармы. В политическом обзоре Восточной Сибири от 18 октября 1916 г. они фиксировали: «До последнего времени многочисленные революционные деятели (соц.- рев. и соц.- дем.) полагали, что до окончания войны не следует приступать к какой бы то ни было революционной работе, чтобы не мешать ходу военных действий, но что тот час же по окончании войны должны возникнуть повсюду организации для немедленного захвата власти в свои руки. Однако, в последнее время есть основания предполагать, что захват власти будет сделан не революционными подпольными организациями, а легальными кооперативными обществами, непрерывно возникающими и объединяющимися в союзы, при чем руководящую роль во всех таких обществах и союзах играют социал-демократы и социалисты-революционеры... Теперь, до окончания войны, задачей всех революционеров является поддержка легальных организаций и примирение интересов социалистов-революционеров и социал-демократов. Такое примирение происходит незаметно и постепенно при обсуждении различных вопросов в заседаниях кооперативов и просветительных обществ» (44).

Жандармский отчет указывает на еще один объект усилий ссыльных – не политические общественные формирования (культурно-просветительные, благотворительные, научные, досуговые и т.д.). Наиболее активно это происходило в небольших городах и железнодорожных станциях. Например, на станции и в селе Тайшет Иркутской губернии в конце 1914 г. политссыльные и представители местной интеллигенции организуют «Общество физического развития и устройства культурных развлечений», изначально принявшего «антиправительственную» направленность (45) В отношении местных отделений Общества изучения Сибири и улучшения ее быта в Иркутской губернии, жандармы отмечали, что они, как правило, «состоят из небольшого кружка более или менее интеллигентных и ссыльных» (46).

Еще одним каналом воздействием политссыльных в рассматриваемое время на городскую среду явилось их активное участие в периодической печати, роль которой

неизмеримо возросла в годы войны. Достаточно сказать, что тираж наиболее популярной иркутской газеты «Сибирь» через месяц после начала военных действий вырос с 7 до 13 тыс. экземпляров (47). Ссылные входили в состав редакций и активно сотрудничали практически во всех частных общественно-политических повременных изданиях региона, активно участвовали в их создании. Например, при участии переведенного в 1916 г. в Новониколаевск Н. А. Рожкова возникает литературная группа и начинается выпуск номеров газеты «Утро Сибири», имевшей марксистскую направленность (48). В Иркутске ссылные эсеры заняли руководящие позиции в журнале «Иркутский кооператор», газетах «Сибирь» и «Народные нужды» (49).

Приведенные нами факты позволяют распространить вывод В. Г. Архангельского о том, что «к началу 1917 г. политические ссылные успели проникнуть во все поры общественной жизни Иркутска» (50), на большую часть крупных сибирских городов.

В обстановке острого дефицита людских резервов для фронта, особенно грамотных, самодержавие совершило еще одну фатальную ошибку, решив в начале 1916 г. призвать в армию всех состоящих под судом и следствием, а также ссылнопоселенцев. В запасные полки сибирских городов хлынул поток политических ссыльных, которые отнюдь не стремились укрепить обороноспособность империи. Только в Нарымском крае к ноябрю 1916 г. мобилизовали 230 «политических», из которых более 200 оказались в Томском гарнизоне (51). По сути, был брошен зажженный факел в виде сотен профессиональных революционеров, томящихся без дела, в озлобленную и недовольную солдатскую массу. И они принялись за работу. С осени 1916 г. в Нарыме и Томске начинает действовать Военно-социалистический союз, объединивший эсеров, социал-демократов и анархистов, основное ядро которого составили оказавшиеся в Томском гарнизоне политические ссылные, в том числе видные большевики И. Н. Смирнов, Н. Н. Яковлев и В. М. Косарев. Они установили связи с аналогичными организациями в гарнизонах Ачинска, Красноярска, Иркутска, Новониколаевска. В листовке Военно-социалистического союза, увидевшей свет в феврале 1917 г. под заголовком «Кто должен победить?» давался следующий ответ: «Ужасная война, начатая капиталистами и их правительствами для нашего порабощения, должна окончиться победой рабочих над капиталом. Мы, рабочие, должны победить!» (52).

Поэтому, хотя по самым оптимистическим подсчетам к февралю 1917 г. в городах региона действовало не более 1 тыс. социал-демократов и эсеров, наличие кадрового резерва в лице политических ссыльных позволило радикалам в считанные дни после свержения самодержавия покрыть Сибирь густой сетью своих организаций, взять под контроль гарнизоны, профсоюзы, советы, муниципалитеты, начать выпуск газет. По

подсчетах Э. Ш. Хазиахметова, в 1917-1918 гг. здесь действовало 1024 ссыльных (10,6 % от всего количества репрессированных к 1917 г.). Они составили приблизительно 22,8 % политического актива региона. Среди 49 избранных в Учредительное собрание от территории – 26 (53,1 %) были ссыльные (53).

Таким образом, в период Первой мировой войны в сибирском городе произошли существенные социально-политические изменения, накопился горячий материал, который в сочетании с экономическими факторами, взорвался на рубеже зимы и весны 1917 г.

Примечания.

1. Пронин В. И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984, таблица 1.
2. Пронин В. И. Население Новониколаевска // Новосибирск. Энциклопедия. Новосибирск, 2003, с. 555.
3. Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995, с. 26.
4. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 1994. с. 166, 213; Пронин В. И. Население Новониколаевска., с. 555; Булыгин Ю. С., Дьяченко Ю. С., Скубневский В. А. Население // Барнаул. Энциклопедия. Барнаул, 2000, с. 198; Очерки истории Камня-на-Оби. Камень-на-Оби, 1996, с. 42.
5. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). СПб., 1999, т. 1. с. 342.
6. Чудаков О. В. Городское самоуправление в Западной Сибири в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). Рукопись канд. диссерт. Омск, 2002, с. 43.
7. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. М., 1988, с. 26-27.
8. Волков С. В. На углях великого пожара. М., 1990, с. 53.
9. Там же, с. 53, 54.
10. Иванов Вс. Н. Душа армии // Иванов Вс. Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М., 1991, с. 154.
11. Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994, с. 95.
12. Чернов К. А. Военный гарнизон Томска в конце XIX – начале XX вв. // Тр. Томск. обл. краеведческого музея. Томск, 2002, т. 12, с. 91.

13. Фабрика Ю. А. Новониколаевск в годы Первой мировой войны (1914-1918) // Новосибирск. Энциклопедия, с. 577.
14. ГАИО, ф. 609, оп. 1, д. 1, л. 25.
15. Томск. История города от основания до наших дней. Под ред. Н. М. Дмитриенко. Томск, 1999, с. 177-178; Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987, с. 87; Шиловский М. В. «Сахарный бунт» 9 ноября 1916 г. // Новосибирск. Энциклопедия, с. 757.
16. ГАКК, ф. 132, оп. 1, д. 2, л. 48.
17. Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке Республики. М., 1971, с. 16, 35, 36.
18. Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914-1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997, с. 155.
19. Загороднюк Н. И. Депортация населения в годы первой мировой войны // Ежегодник Тюменского обл. краеведческого музея. 1996. Тюмень, 1998, с. 92.
20. Лакисов А. И. Ленинск-Кузнецкий. Кемерово, 1984, с. 33.
21. Загороднюк Н. И. Указ. соч., с. 96.
22. ГАИО, ф. 609, оп. 1, д. 1, л. 12.
23. Маттис А. Э. «Борьба с немецким засильем» в годы первой мировой войны и немецкие колонии Томской губернии // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998, с. 59.
24. Чернов К. А. Военнопленные // Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. Томск, 2004, с. 55.
25. Власть труда (Иркутск), 1918, 10 апр.
26. Нам И. В. Беженцы // Томск от А до Я., с. 29.
27. Романов Н. С. Указ. соч., с. 221.
28. См.: Кутилова Л. А., Нам И. В., Наумова Н. И., Сафонов В. А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885-1919. Томск, 1999, с. 69-98.
29. ГАИО, ф. 609, оп. 1, д. 1, л. 7.
30. Щербаков Н. Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907 – 1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX – февраль 1917 г.). Иркутск, 1973, вып. 1, с. 209-211; Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905-1917 гг. Томск, 1978, с. 19.
31. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982, с. 384.

32. Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая четверть XX века). Омск, 2003, ч. 1, с. 184.
33. ГАНО, ф. 144, оп. 1, д. 55, л. 5.
34. ГАНО, ф. Д-51, оп. 1, д. 195, л. 10, 43.
35. ГАНО, ф. 144, оп. 1, д. 55, л. 5, 6, 8, 10, 11, 12; Черняк Э. И. Эсеры в Сибири между буржуазно-демократическими революциями // Революционное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986, с. 168.
36. ГАТО, ф. 3, оп. 3, д. 6928, л. 228.
37. Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 – начале 1918 гг. Томск, 1987, с. 48.
38. В некоторых малых городах их удельный вес в составе населения был достаточно высок. Так, в Таре в 1914 г. ссыльные составляли 19,8 % от численности населения. См.: Алисов Д. А. Культура городов среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. Омск, 2001, с. 173.
39. Архангельский В. Г. Первый месяц февральской революции 1917 г. в Иркутске // Вольная Сибирь (Прага), 1927, № 1, с. 48.
40. Гуревич В. Я. Февральская революция в Красноярске // Там же, № 2, с. 113.
41. Макачук С. В. Социалисты России в межреволюционный период (июль 1907 – февраль 1917 гг.). Кемерово. 1994, с. 69.
42. Илимский Дм. Иностраные капиталы и промышленные возможности Сибири // Северные записки, 1915, № 7-8, с. 253.
43. Он же. Сибирская кооперация в 1915 г. // Сиб. жизнь (Томск), 1916, 13 янв.
44. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 992, л. 59об.
45. ГАНИИО, ф. 300, оп. 1, д. 335, л. 4-5.
46. ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 891, л. 70.
47. ГАИО, ф. 609, оп. 1, д. 1, л. 17.
48. ГАНИИО, ф. 300, оп. 1, д. 405, л. 16.
49. Архангельский В. Г. Указ. соч., с. 47.
50. Там же, с. 49.
51. Хазиахметов Э. Ш. Большевики в Нарымской ссылке. Новосибирск, 1967, с. 155.
52. Томск. История города от основания до наших дней., с. 178.
53. Хазиахметов Э. Ш. Роль бывших ссыльных в политической борьбе 1917-1918 гг. в Сибири // Исторический вестник ОмГУ. Омск, 1997, с. 106, 111.